

Б.Н.Ковалев

**СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О КОЛЛАБОРАЦИОНИСТАХ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***Гуманитарный институт НовГУ, т. (8162) 63-26-13*

Soviet legislation on collaborationists during the Great Patriotic War is under consideration. Different forms of cooperation of our fellow citizens with Nazi are shown. The typology of collaborationism in Russia is presented.

Ключевые слова: коллаборационизм, советское законодательство, оккупация

С точки зрения международного права военная оккупация — временное занятие территории государства вооруженными силами противника. Сам факт оккупации не решает судьбы захваченных регионов — она определяется, как правило, по окончании войны мирным договором.

Захватив в 1941 — 1942 гг. западные и юго-западные области РСФСР, нацистская Германия установила здесь жестокий оккупационный режим. Для его укрепления и поддержания оккупанты стремились привлечь «местные кадры». Участие граждан СССР в войне на стороне нацистской Германии советской стороной изначально замалчивалось и отрицалось. Газета «Пролетарская правда» 19 июля 1941 г. писала: «При помощи угроз, шантажа и «пятой колонны», при помощи продажных холопов, готовых за тридцать сребренников предать свою нацию, Гитлер смог осуществить свои гнусные намерения в Болгарии, Хорватии, Словакии... Даже в Польше, в Югославии и Греции... внутренние противоречия между нациями и классами и многочисленные измены как на фронте, так и в тылу ослабили силу сопротивления оккупантам. Но грабительские козни Гитлера неминуемо будут разбиты в прах теперь, когда он вероломно напал на СССР, могучую страну, вооруженную... несокрушимой дружбой народов, непоколебимым морально-политическим единством народа...». Ей вторил известный писатель и публицист Илья Эренбург: «Эта война — не гражданская война. Это Отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев» [1]. Однако эти оптимистические заявления не соответствовали действительности. Миллионы наших сограждан на оккупированной территории были вовлечены в различные формы сотрудничества с нацистами. Кто-то из них взял в руки оружие и пошел на службу в полицию и карательные отряды, кто-то выполнял различную работу в административных органах, кто-то просто зарабатывал на жизнь себе и своим родным.

В словаре иностранных слов понятие «коллаборационист» объясняется следующим образом: «(от французского — collaboration сотрудничество) изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939 — 1945)» [2]. Можно согласиться с М.И.Семирягой, который в своем фундаментальном исследовании, посвященном коллаборационизму в годы Второй миро-

вой войны, писал о том, что никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаях и т. д. [3]. Комплекс взаимоотношений между ними и составляет сущность коллаборационизма.

К числу активных коллаборационистов относились военнопленные и гражданские лица, вступившие в ряды германской армии и полицейские формирования, а также советские граждане, работавшие на предприятиях и в учреждениях оккупационной администрации [4]. А.Даллин в своей фундаментальной работе о немецкой оккупационной политике в СССР в годы Второй мировой войны уже обратил внимание на основные противоречия, вытекающие из военных целей нацистской Германии и ее руководства на Востоке. С одной стороны, «завоевание жизненного пространства», а с другой — собственно методы достижения поставленных целей. Даллин, как и многие авторы, занимающиеся данной проблематикой, пришел к выводу, что без хотя бы пассивной поддержки со стороны населения оккупированных районов СССР у немцев не было реальных перспектив надолго обеспечить господство на занятой территории и гарантировать стабильность собственного тыла [5].

В нашей стране термин «коллаборационизм» для обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом, стал употребляться лишь в последнее время. В советской науке обычно использовались слова «предатель», «изменник родины», «пособник». Однако на Западе (как, впрочем, и в бывших странах социалистического лагеря) лиц, сотрудничавших с нацистами в СССР, обычно называли именно коллаборационистами.

Уголовную ответственность пособников нацистов из числа советских граждан определяли пункты «а» и «б» статьи 58-1 Уголовного кодекса РСФСР. Указанная норма в официальных комментариях к УК толковалась следующим образом: «В условиях Великой Отечественной войны измена родине — самое тяжкое и самое гнусное преступление» [6].

В советской юриспруденции достаточно четкое определение понятия военных преступлений по отношению к деяниям гитлеровских оккупантов на терри-

тории СССР отсутствовало. Применительно к ним следственные и судебные органы, а также специалисты отказались даже от самого наименования «преступление». Для их обозначения применялись термины «зверства» и «злодеяния», гранью между которыми, очевидно, была степень общественной опасности и тяжести наступивших последствий. Поскольку деяния, обозначаемые такими терминами, выходили за рамки принятых в советском законодательстве определений деяний, преследуемых в уголовном порядке, необходимо было выработать правовые основы ответственности за их совершение. Так как злодеяния нацистов «носят характер организованной системы», отмечал академик И.П.Трайнин, даже при формальном сходстве их нелегко приравнять к преступлениям, записанным в национальных кодексах [7]. Нарушение фашистами законов и обычаев войны он квалифицировал как «военный разбой политических бандитов», за который виновные подлежат суровому наказанию по тягчайшим уголовным нормам. Таким образом, признавалась необходимость особого регулирования их уголовной ответственности, поскольку действующее законодательство насущным требованиям не отвечало.

В условиях войны нормотворческая деятельность Советского государства дополнялась судебной практикой. Особенно важное значение приобрели постановления Пленума Верховного Суда СССР, которые достаточно быстро и оперативно откликались на требования военного времени. Верховный Суд разъяснял нижестоящим судам, как им надлежало применять законодательство. Устанавливая порядок применения ряда правовых норм, толкуя законы и подзаконные акты, Верховный Суд нередко восполнял в то же время пробелы в праве, которые выявлялись на практике, но не были решены законодателем и не могли быть восполнены в процессе законодательной деятельности из-за сложной обстановки.

Преступления коллаборационистов подпадали под действие норм советского уголовного законодательства. По своему характеру они сразу же были отнесены к особо опасным государственным преступлениям. Такие дела появились в практике советских судебных органов уже в первые месяцы войны.

Согласно приказу Прокурора СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом» от 15 мая 1942 г. советские граждане, перешедшие на службу к оккупантам, а также выполнявшие указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для германской армии; провокаторы, доносчики, уличенные в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей; участвовавшие в деятельности карательных органов немцев, подлежали ответственности по ст. 58-1/а УК РСФСР [8].

Указом от 19 апреля 1943 г. подобные лица окончательно были причислены к субъектам ответственности за военные преступления: за совершение убийств и истязаний гражданского населения, согласно его ст. 1, они подлежали преследованию наравне с гитлеровцами: «...шпионы и изменники из числа советских граждан караются смертной казнью

через повешенье» [9]. Статья 5 конкретизировала форму исполнения наказания: «Приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов при дивизиях, повешение осужденных к смертной казни производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и предаст свою родину» [10]. Статья 2 указа целиком посвящалась пособникам из представителей местного населения, уличенным в оказании содействия фашистским злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, и вводила для них кару в виде ссылки на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет [11].

Весьма прогрессивным и своевременным был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) выполняла функции расследования преступлений нацистов и их пособников [12]. В числе преступлений, виновники которых подлежали уголовной и материальной ответственности во всей полноте, указ называл пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увод их в «иноземное рабство»; всеобщее ограбление городского и сельского населения; вывоз в Германию личного имущества советских граждан, а также колхозного и государственного имущества; разрушение памятников искусства и культуры; расхищение художественных и исторических ценностей; разрушение зданий и разворовывание утвари религиозных культов. При этом в качестве их субъектов указом от 2 ноября 1942 г. рассматривалось преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники.

Лишь в инструкции ЧГК о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 31 мая 1943 г. предусматривалась ответственность за военные преступления конкретных физических лиц из числа представителей германских вооруженных сил и оккупационной администрации. При этом должны были выявляться фамилии лиц, наименования воинских частей, учреждений и организаций. Устанавливались также признаки, характеризующие конкретных соучастников военных преступлений в зависимости от их роли: организаторы, подстрекатели, исполнители и пособники [13].

Следует отметить, что меры по уголовному преследованию гитлеровских военных преступников и их пособников в Советском Союзе стали осуществляться лишь с середины 1944 г. [14]. Поскольку до этого времени связанные с ним вопросы разрешались только в декларативной форме, то выполнение насущных задач в рассматриваемой сфере оказалось возможным лишь в результате осуществления властных полномочий представителями карательных орга-

нов на местах. В сложившихся условиях местным руководителям органов борьбы с преступностью не оставалось ничего другого, как самим не только разрабатывать детали процесса расследования, но и определять признаки деяний гитлеровских захватчиков как преступлений в издаваемых ими служебных руководящих актах [15].

В отличие от Нюрнбергского процесса, на котором, как известно, возобладаало обоснованное мнение о том, что субъектами военных преступлений является государство и его организации, на территории СССР в данном качестве рассматривались только физические лица.

Через 10 лет после окончания Великой Отечественной войны, 17 сентября 1955 г., был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.». Согласно этому документу, амнистия применялась «...в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. по малодушию или неосознанности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами» [16]. Четвертая статья данного указа гласила, что амнистия не применяется «к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан» [17].

Не любое сотрудничество с врагом можно квалифицировать как измену или предательство. Если бы это было так, то пособниками гитлеровцев могли считаться все народы оккупированных стран, в том числе и 80 миллионов наших сограждан. Кстати, последний тезис активно муссировался нацистской коллаборационистской прессой, особенно перед отступлением вермахта с той или иной территории.

Нужно признать, что степень вины различных категорий коллаборационистов была различной. Однако при этом, как неоднократно отмечалось руководящими и надзорными инстанциями органов военной юстиции, в большинстве случаев основанием для привлечения к ответственности оказывался только сам факт службы на административных или иных должностях в оккупационных органах противника. Основной причиной сложившегося положения послужила «существующая во многих местах и у ряда работников установка, что ответственности по ст. 58-1/а УК РСФСР подлежат все лица, работавшие или служившие у немцев, независимо от конкретного характера их деятельности» [18].

Осуждение по обвинению в пособничестве оккупантам по одним лишь формальным признакам, исходя из факта нахождения у них на службе, рассмотренными выше руководящими документами было признано недопустимым. Так, уже в приказе Прокурора СССР от 15 мая 1942 г. категорически воспрещалось привлекать к ответственности граждан, хотя и занимавших административные должности при немцах, но в отношении которых следствием было установлено, что они оказывали помощь партизанам, подпольщикам и частям РККА, саботировали мероприятия немецких властей, помогали населению в сокрытии запасов продовольствия и имущества. Не подлежали ответственности также рабочие и мелкие

служащие административных учреждений захватчиков; лица, продолжавшие при оккупации заниматься своей профессиональной деятельностью, — врачи, агрономы, ветеринары и т. п.

Сложность следственной и судебной работы состояла в том, чтобы не подвергать необоснованным репрессиям лиц, которые стали жертвой провокации немцев. В этой связи в пример приводились случаи, когда старостами назначались бывшие председатели колхозов, имевшие по несколько сыновей в Красной Армии, не успевшие по различным причинам эвакуироваться и под угрозой расстрела приступившие к исполнению своих функций. Эти люди предупреждали жителей о готовящихся фашистских грабежах, помогали партизанам. По данному поводу следовало указание о том, что формальное пребывание в роли старост подобных лиц не может влечь для них уголовной ответственности [19].

Активность сотрудничества различных категорий граждан нашей страны с гитлеровцами во многом была связана с положением на фронтах. Понятно, что после срыва планов блицкрига, после того как русское население убедилось в человеконенавистническом характере нацистского оккупационного режима, в условиях активизации советского Сопротивления в тылу врага очень многие коллаборационисты стали пытаться как-то искупить вину перед своими соотечественниками [20].

Современным исследователям истории Второй мировой войны необходимо осознавать, что все эти люди, находившиеся под властью оккупантов, не могли не взаимодействовать или не сотрудничать с ними в каких-либо формах, хотя бы ради собственного выживания и сохранения жизни своих близких и родных.

Степень вины людей, которые в той или иной форме сотрудничали с оккупантами, безусловно, была разной. Это признавало руководство советским Сопротивлением еще в начальный период войны. Среди старост и прочих представителей «новой русской администрации» были люди, занявшие эти посты по принуждению, по просьбам своих односельчан и по заданию советских спецслужб.

Причины, толкнувшие наших сограждан на сотрудничество с оккупантами, имели сложный и неоднозначный характер, были порождены разными обстоятельствами бытового, психологического и мировоззренческого порядка. Бесспорно, среди этих людей имела значительная прослойка антисоветски настроенных граждан, которые добросовестно и преданно служили оккупантам. Люди, осознанно и добровольно перешедшие на сторону врага, с оружием в руках или используя свой интеллект воевавшие на стороне Германии против своего Отечества, не могут не рассматриваться как преступники.

Однако вряд ли можно называть изменой или предательством в уголовно-правовом или даже нравственном смысле этого слова такой бытовой коллаборационизм, как, например, размещение на постой солдат противника, оказание для них каких-либо мелких услуг (штопка белья, стирка и т. д.). Трудно обвинить в чем-либо людей, которые под дулами вражеских автоматов занимались расчисткой, ремон-

том и охраной железных и шоссейных дорог. Гражданский коллаборационизм по большей части носил вынужденный характер, так как у мирных жителей, особенно в городах, не было другого способа добыть средства существования для родных и близких.

Для советского законодательства периода Великой Отечественной войны была характерна определенная прямолинейность и жесткость. Но при объективном изучении такого сложного явления, как коллаборационизм наших соотечественников, мы должны полностью учитывать реалии того времени.

1. Эренбург И.Г. Война. М., 2004. С.131.
2. Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С.287.
3. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С.5.
4. Война и общество. 1941 — 1945. Кн.2. М., 2004. С.293.
5. См: Dallin A. German rule in Russia 1941 — 1945: A study of occupation politics. L.: McMillan, 1957. P.8.
6. Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий. М., 1944. С.65.
7. См.: Трайнин И. П. Избр. тр. СПб., 2004. С.564-565.
8. Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Волгоград, 2005. С.39.
9. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч.2. Курск, 1999. С.236.
10. Там же. С.237.
11. Епифанов А.Е. Указ. соч. С.39-40.
12. Кузнецова Н.Ф. // Вестник МГУ. Сер.11: Право. 1991. №5. С.36.
13. Там же. Л. С.19.
14. См.: Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997. С.9-26.
15. Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления... С.18.
16. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. 1955 — 1991 гг.: Сб. правовых актов. М., 1997. С.89.
17. Там же. С.90.
18. Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления... С.47.
19. Там же. С.48.
20. Кулик С.В. Антифашистское движение сопротивления в России. 1941 — 1944 гг. (Проблемы политического и идеологического противоборства). СПб., 2006. С.118.